

НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

Стасия Викбурд

Стасия Викбурд

Невозможное возможно

<https://litres.ru/74132332>

SelfPub; 2026

Аннотация

В момент, когда жизнь графини Евы должна оборваться на плахе за мнимую измену, судьба делает неожиданный поворот: в её теле оказывается современная девушка Лена. Ошеломлённая новым обликом и обстоятельствами, она вынуждена мгновенно адаптироваться к миру, где дворцовые интриги переплетаются с древней магией, а каждое неосторожное слово может стоить жизни.

С поддержкой необычного фамильяра — красноречивой крысы Анфидии — и в тени сложных отношений с несостоявшимся женихом, Ева-Лена пытается переписать свою судьбу. Ей предстоит освоить правила игры в мире аристократических родов, где каждый преследует свои цели, а верность и предательство часто меняются местами.

Содержание

Пролог	4
Сон?	6
Анфидия	14
Лучшая защита - нападение	16
Святослав Корвин	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Невозможное возможно

Пролог

Дорогие читатели!!!

От всего сердца рада представить вам свою первую книгу — «Невозможное возможно». Это не просто история, а частичка моей души, воплощённая в словах и образах.

Я вложила в этих героев свои мысли, мечты и переживания — и очень надеюсь, что они станут вам близки, найдут отклик в вашем сердце и, быть может, даже станут добрыми знакомыми, с которыми не захочется расставаться. Пусть их путь, полный испытаний и открытий, увлечёт вас и подарит те самые волшебные мгновения, ради которых мы и любим книги.

Эту книгу я посвящаю своему папе. Он обожал фэнтези и умел видеть магию в самых обычных вещах. Его поддержка и вера в меня были безграничны. К сожалению, он никогда не сможет прочесть эти строки, но я знаю: где бы он ни был, он бы гордился. И эта история — мой способ сказать ему «спасибо».

Пусть страницы этой книги подарят вам вдохновение и

напомнят: невозможное — возможно.

С теплом и благодарностью, ваша Стасия Викбурд

Сон?

Проснулась я от того, что кто-то очень рьяно толкал меня в спину. «Люся», — подумала я. У моей кошки было прямо негласное правило: ложиться у стеночки, упираясь в неё, и спинкой выталкивать меня с кровати.

Не открывая глаз, я протянула руку за спину и, как всегда, похлопала кошку по бокам, чтобы она прекратила свои деяния. Сон снился такой сладкий — тёплый, солнечный, будто я гуляла по летнему лугу, а вокруг звенели кузнечики и пахло свежескошенной травой...

Но тут среди сладкой дымки сна до меня донеслись слова: — Чего тулишься? Места, что ли мало?

Я замерла.

«Это не Люся».

Выпучив глаза, я заорала. Так, как может орать человек, который живёт один в однушке со своей кошкой Люсей. Ну, а как мы знаем, кошки на человеческом языке не разговаривают.

Отскочив на пару метров от кровати — и с удивлением отметив, что странно много свободного места и я не упёрлась в шкаф, — я попыталась в кромешной темноте разглядеть, кто со мной заговорил. Одновременно нащупывала стол, чтобы схватить что-нибудь потяжелее для хоть какой-то защиты.

— Чего орёшь? И не спишься тебе в такую ночь? — про- бурчал кто-то из кровати.

— Ты кто?! — Я старалась говорить чётко, не заикаясь.

— Вообще ополоумела со страху? Я твой фамильяр!

— Какой ещё, к чёрту, фамильяр?! Что ты делаешь в моей кровати? Нет, не так: что ты делаешь у меня дома?!

— Ну успокойся, лапонька. Вспоминай: ты — Ева, буду- щая жена графа... Кхе-хе... Теперь уже не будущая и не же- на — после того, что произошло накануне... Кхе-хе.

— Кого жена?! СТОПППППП! А что произошло накану- не?! — Я силилась вспомнить, что же было вчера вечером, но ни одна картинка не всплывала. — Да что же это такое!

Фамильяр подождал, видимо, давая мне осознать проис- ходящее, а потом сонно протянул:

- Поспи. Все образумится. Будем верить в лучшее. Что все разберутся и тебя не казнят. А сейчас лучше по...

— Как казнят?! За что?! — У меня вырвался крик, кото- рого даже я не ожидала. — У нас в Российской Федерации казнь отменена! И вообще, что нужно сделать такого, чтобы тебя казнили?!

— Вообще, от страха умом тронулась, какие-то небылицы говоришь. Ну успокойся, миленькая. - продолжал бормотать кто-то.

Я металась из стороны в сторону, пытаюсь вспомнить, кто я и за что меня можно казнить. На ум ничего не приходило. Я — среднестатистический гражданин своей страны, живу, не

нарушая законов... Но где-то и что-то точно пошло не так.

«Так. Отставить панику, Лена. Мы со всем справимся. Нужно успокоиться и взять себя в руки», — мысленно приказала я.

И тут меня ошарашила идея.

Я медленно повернулась к кровати, где всё ещё сидел фамильяр — неясный силуэт в полумраке.

— Послушай... А где Люся? Моя кошка? Она... она тоже здесь?

Фамильяр издал странный звук — то ли хмыкнул, то ли фыркнул.

— Кошка? Какая кошка? Ты о чём?

— О моей Люсе! — Я почувствовала, как к горлу подступает ком. — Она всегда спит со мной. Всегда. Если её нет... значит... «Я не дома. - додумала я мысленно. - А где я тогда?» - задала я вопрос себе же.

Вокруг тишина. Только моё дыхание, рваное и громкое, да едва уловимый шорох за стеной.

— Так, — сказала я, сжимая кулаки. — Давай по порядку. Кто ты? Где я? И что, чёрт возьми, вчера произошло?

Фамильяр, вздохнул, словно готовился к долгому разговору. Но не успел и слова сказать, как меня осенило:

— Я сплю!!! Точно! Это просто странный сон, сейчас я проснусь, и этот бред развеется. Так, а ну-ка брысь с моей кровати, нужно снова уснуть!

— Хотелось бы. Но если это тебе поможет прийти в себя

— то пожалуйста, — раздался невозмутимый голос.

Набравшись смелости, я сделала несколько шагов к кровати, пытаясь её нащупать. Нащупав нечто, отдалённо напоминающее деревянную лавку, я удивилась: «И приснится же такое!»

Изучая в темноте своё «ложе», я всё больше и больше впадала в шок. Это нечто было трудно назвать кроватью. Деревянная лавка, устлана то ли с сеном, то ли с соломой, которая прикрытая какими-то тряпками. Единственное мягкое и тёплое, что было на ней, — мой фамильяр.

Я попыталась улечься, но сама себе удивлялась: как я могла спать на этом в таком блаженном сне? «Сон — не иначе!»

Закрывает глаза, всячески пытаюсь найти местечко поудобнее, чтобы уснуть, но сон во сне не приходил.

«Нужно провести анализ происходящего, — подумала я. — Может, всплывут какие-нибудь факты, о которых я забыла в стрессе. Я где-то читала, что такое бывает при очень сильном потрясении».

Итак, кто я?

Я — Елена Метелкина. 23 года. Живу в Светлоярске — уютном таком городке, где все друг друга знают, но не настолько, чтобы лезть в чужие дела (и это прекрасно!).

Моё королевство — однокомнатная квартира, доставшаяся после смерти родителей. Ничего шикарного, но своё. И главное — здесь царит Люся. Моя кошка. Величественная, как египетская богиня, и такая же снисходительная к чело-

веческим слабостям. Она точно знает: это не я её кормлю, а она меня терпит. Иногда снисходит до того, чтобы потерпеть мои объятия — но только если сама в настроении. В общем, типичный кошачий диктатор.

Сейчас я тружусь в отделе бухгалтерского учёта в фирме «Кристалл» — это такая маленькая частная контора по доставке воды. Да-да, той самой, что льётся из кулеров и спасает офисных работников от обезвоживания.

На работу устроилась недавно, так что пока могу с гордостью заявить: врагов не завела. Это, знаете ли, достижение! Коллеги в основном тихие, мирные люди, которые больше боятся ошибок в отчётах, чем офисных интриг. Моя задача — сводить дебет с кредитом так, чтобы они не переругались в процессе. Иногда кажется, что цифры — как дети в детском саду: чуть оставишь без присмотра — и уже кто-то, кого-то обидел.

До «Кристалла» моя трудовая биография напоминала калейдоскоп: продавец в магазине кормов (теперь я знаю всё о диетических кормах для кошек с чувствительным пищеварением — спасибо Люсе, она мой главный критик); курьер по доставке цветов (здесь я научилась улыбаться даже тем, кто явно не рад получать букет от тайного поклонника — а таких было немало).

Ни с кем не конфликтовала — просто не люблю драмы. Если можно решить вопрос мирно, зачем устраивать шоу?

Про свою внешность я бы сказала так: обычная. Нет, се-

рьёзно — если бы проводили конкурс «Кто больше похож на тень в углу», я бы точно прошла в финал.

А вот моя лучшая подруга Вика — полная противоположность. Когда она идёт по улице, даже голуби забывают, что они птицы, и замирают с открытым клювом. Мужчины сворачивают шеи, женщины оглядываются с восхищением (или лёгкой завистью — это уж как повезёт). Вика — это фейерверк, праздник, взрыв красок.

Я же... ну, скажем так: пыталась соответствовать. Покупала модные вещи, экспериментировала с макияжем. Но в итоге поняла: роковая женщина из меня так себе. Точнее, я-то себя к ним относил, а они меня — относили обратно.

В итоге я смирилась: моя суперсила — не в яркой внешности, а в умении оставаться незаметной, когда это нужно. Например, в переполненном автобусе я могу превратиться в невидимку за доли секунды — проверено многократно!

Мой день обычно выглядит так: Утро: подъём под недовольное мурлыканье Люси, которая считает, что завтрак ей должны подать в 5:00 утра, а не в 7:30. Работа: цифры, отчёты, периодические попытки вспомнить, куда я положила тот самый документ (обычно он находится в самом очевидном месте — прямо перед носом). Вечер: возвращение домой, где Люся встречает меня взглядом, полным укоризны («Где ты была? Я чуть не умерла от голода!»), и уютный вечер с книгой или сериалом.

Иногда выбираюсь с Викой в кафе — тогда она блистает,

а я тихо радуюсь за неё и попиваю чай, слушая её истории о новых поклонниках.

В общем, жизнь у меня спокойная, размеренная. Никаких драм, никаких громких скандалов. Просто день за днём — и это, знаете, совсем неплохо.

Пока я витала в облаках, реальность напомнила о себе: голос фамильяра неожиданно прорезал тишину прямо возле моего уха, заставив меня вздрогнуть.

— Ты не переживай! Совет следователей обязательно разберется...

— Ну да, ну да, — пробормотала я, вспоминая последний сериал, в котором следователи, походу, вообще не знали, чем должны заниматься: пьянки, гулянки и любоффф, куда ж без неё, а дела раскрывала собака. — М-да. Так дело не пойдёт. Нужно точно знать, что произошло, почему я здесь и в чём меня обвиняют.

То, что я не во сне, я уже осознала — несколько раз ущипнув себя. Да и картинка сна не менялась уже довольно долгое время.

— Ты прости меня, — начала я, поглаживая зверька по шёрстке. — Тут такое... Не мог... — замялась я, не зная точного пола фамильяра, хотя, понимая, что общаемся мы на равных. — ...могла бы ты не рассказать поподробнее, что произошло? Я ничего практически не помню. Ну а лучше расскажи сначала: Кто я? Кто ты? Где мы? И как сюда попали?

Пыталась я выудить хоть какую-то информацию, ещё не подозревая, что выясненное подвергнет меня в шок.

Анфидия

Я — Анфидия. Фамильяр графини Евы Ратмировой. И да, я та самая, что знает пути — не надо мне об этом напоминать.

Откуда я взялась? Никто не в курсе. А вот Ева — эта наивная девчонка с огромными глазами — увидела меня на подоконнике. Мокрая, потрёпанная, с красными глазами, будто из самой преисподней вылезла. И что бы вы думали? Не завизжала, не побежала за метлой. Протянула руку и пролепетала: «Ты останешься со мной?»

Ха. Как будто я могла отказаться. Хотя тогда она ещё не понимала, с кем связалась. Не знала, что я — её фамильяр, что наша связь — это не случайность, а неизбежность. Но сердце у неё работало лучше, чем голова: имя-то она мне выбрала с первого захода — Анфидия. «Та, что знает пути». Ну ладно, надо признать, угадала.

С тех пор я таскаюсь за ней, как тень. Её личный страж, если угодно. Не то чтобы я рвалась в эту роль, но... кто-то же должен присматривать за этой мечтательницей.

Я появлялась в нужный момент — когда в коридоре шептались злые языки, когда за дверью поджидала ловушка, когда душа Евы готова была сломаться под тяжестью обстоятельств. Мой писк — тихое предупреждение. Моё присутствие — немая поддержка. Я уводила её от опасностей, на-

ходила выход там, где другие видели лишь тупик.

Да, фамильяры выбирают хозяев не абы как. Мы чуем ту самую искру. В Еве она горит — пусть сама она этого не видит. Её доброта — не слабость, а упрямая стойкость. Её молчание — не покорность, а сосредоточенность. А её магический потенциал... ну, скажем так: когда он проснётся, мало никому не покажется.

Знаю, что ей больно. Знаю, как её ранят эти сплетни, предательство, ощущение, что весь мир против неё. Но знаете что? В ней есть сила. Настоящая. Способная перевернуть всё вверх дном. Она в себя не верит — а я верю. Потому что я — Анфидия. Та, что знает пути. И я протащу её через эту тьму, даже если придётся тащить за шкуру.

Когда она гладит мою шёрстку или бормочет что-то благодарное — чувствую, как наша связь крепнет. Не какой-то там союз человека и животного. Нет. Это связь двух... ладно, пусть будет «душ». Идём одной дорогой.

И да, я не оставлю её. Даже не надейтесь. Это уже не выбор — это судьба. Или обязанность. Или... чёрт его знает, что это. Но я здесь. И никуда не денусь.

Лучшая защита - нападение

Услышав рассказ Анфидии, я отчётливо представила, какой была Ева Ратмирова. Перед глазами вставала картина: девушка в выцветшем платье с некогда изящной вышивкой, стоящая у окна в полутёмной комнате старого особняка.

Ева — девушка из обедневшего графского рода, живущая под опекой сестры матери — женщины, одержимой балами и роскошью. Тётушка Аглая Львовна, прозванная в свете «Блеском без содержания», всё ещё пыталась поддерживать видимость былого величия: раз в месяц устраивала крохотные приёмы, на которых подавали разбавленное вино и жалкие остатки былой роскоши — пару старинных тарелок с фамильным гербом да подсвечник, чудом уцелевший от распродажи.

После гибели семьи всё наследство растаяло, словно дым от праздничных фейерверков. Сначала ушли фамильные драгоценности — их «временно закладывали», чтобы оплатить очередной бал. Потом — картины старых мастеров, заменённые дешёвыми копиями. Наконец, и земли начали уходить с молотка: сперва дальние угодья, затем родовая усадьба... Остались лишь стены ветшающего дома да пара слуг, которых не хватило средств уволить.

Но Ева, подобно цветку между каменных плит, оставалась

тихой, упрямой и живучей. Она сама штопала свои платья, аккуратно подновляя вышивку, сама помогала на кухне, когда экономка хворала, сама читала сказки соседским детям — просто потому, что те улыбались, слушая её мягкий голос.

Её доброта не показная — она просто заботится о других без ожидания похвалы.

Судьба не щадила Еву. В пятнадцать лет она потеряла родителей в дорожной катастрофе, в восемнадцать лишилась последнего фамильного кольца, в двадцать ей объявили, что она обещана в жёны графу Святославу Корвину — как последний шанс спасти имя рода. Говорили, что граф, известный своей расчётливостью и холодным нравом, видел в этом браке лишь возможность приумножить владения за счёт последних земель Ратмировых.

Но накануне свадьбы, когда уже были разосланы приглашения и в зале установили арку из белых роз, по городу поползли грязные слухи. Кто-то пустил молву, будто Ева тайно встречается с конюхом. Слова расплзлись, как плесень по сырому хлебу: их шептали за веерами, записывали в дневниках, пересказывали с новыми «подробностями». Граф, и без того не пылавший страстью, ухватился за клевету как за повод избежать брака — и теперь грозит ей казнь за «осквернение будущего союза».

Новость о скандале тётушка Аглая Львовна восприняла с воодушевлением — наконец-то в её тусклой жизни появилось что-то, достойное обсуждения за чаем с соседками.

Узнав о слухах, она открестилась от племянницы с такой скоростью, что едва не сбила с ног лакея, спеша к письменному столу — сочинять письма с объяснениями.

— Дорогой граф Корвин, — выводила она витиеватые строки, обмакивая перо в чернила, — я сама в ужасе от этой истории! Воспитанная в лучших традициях, я не могу допустить, чтобы имя Ратмировых было запятнано связью с... э-э-э... девицей сомнительного поведения. Уверяю вас, я немедленно отрекусь от неё официально!

В доме начались стремительные перемены: портрет родителей Евы, висевший в гостиной, «случайно» упал и разбился; упоминания о племяннице исчезли из семейных альбомов; а сама Ева обнаружила, что её имя больше не звучит за обеденным столом — будто её и не существовало.

На этом Анфидия закончила свой рассказ, и я поняла, что терять время никак нельзя. Защитить себя смогу только я, никто даже пальцем не пошевелит, чтобы хоть как-то помочь бедной обедневшей графине. Высмеять, еще больше унижить — за милую душу, а вот помочь — однозначно нет. Радует, что я не простолюдинка, имею какой-то статус. Значит можно поговорить с графом на равных, ну а если нет, то расскажу ему правду, что вышла ошибочка - я не Ева. Я оказалась в ее теле каким-то неизвестным мне способом и казнить меня не за что. Решено, нужно поговорить с графом!

Подойдя к решеткам камеры, я заорала, что есть мощи:
- Уважаемые! Мне нужно срочно к графу! У меня для него

есть ценная информация!

- Чего разоралась? Спи- донеслось до меня откуда-то из глубин коридора - Все утром. Вообще девка с ума сошла, - продолжалось ворчание, - хотя сама виновата, нечего было... эххх- послышался тяжелый вздох.

Не поняла это вздор сочувствия или разочарования?

- Уважаемый?! У меня для графа ОЧЕНЬ ценная информация - повторила я, прям выделив, что информация очень нужна и ждётся графом и днем, и ночью. – Не сообщите, сами потом пожалеете – добавила я немного жёстче.

Наступила тишина, стражник скорее всего взвешивал решение, сообщать ли графу об информации в столь раннее утро или дождаться назначенного для общения время.

- Уважаемый? – уже тише проговорила я, не веря в затею.

- Погодь.... Сейчас доложу. – ответил стражник.

Шарпающими шагами он прошел по коридору, зажигая по дороге факелы. Я так понимаю это был единственный свет в этом подземелье, по-другому его не назовешь.

До слуха донёсся треск горящего дерева, а на веках заплясали багровые отблески. Благодаря свету от факела можно было лучше рассмотреть мое место заточения. И так, что мы имеем - камера без окон, свет — только от факелов за железной решёткой двери. У стены — одинокая деревянная лавка с тряпками и соломой, в углу — ведро. Всё такое примитивное, безжизненное, что сердце сжалось от отчаяния. Это место словно кричало: «Ты в ловушке».

Что-то зашевелилось у моих ног.

- Ну что там??? Пошел? —спросил мой фамильяр. Опустила глаза чтобы рассмотреть чудо, данное мне природой, надеясь в облике фамильяра увидеть какую-то необыкновенную зверушку о которых я читала в книгах. Но рядом с моей ногой сидела крыса. Крыса, товарищи!

Признаюсь, Анфидия была не обычной крысой — в её маленьких чёрных глазах светился недюжинный ум. Шерсть — тёмно-серая, с серебристым отливом на спине, будто припорошенная лунной пылью. Усы длинные и чуткие, постоянно подрагивали, улавливая малейшие изменения в воздухе. Ушки — крупные, подвижные, как локаторы. Маленькая симпатичная крыска.

Пока я рассматривала Анфидию, вернулся стражник — высокий, сутулый мужчина в потрёпанной кольчуге и с факелом в руке. Пламя дрожало, отбрасывая на стены пляшущие тени, и в этом неровном свете его лицо казалось высеченным из камня.

— Следуй за мной, — хрипло бросил он. — Твоему зверьку придётся остаться здесь.

Анфидия метнула на меня тревожный взгляд — красные глаза сверкнули в полутьме. Я сжала её крошечную лапку, шепнула: «Жди» — и шагнула к решётке, которая с противным скрежетом отворилась.

Ступени под ногами были выбиты временем и сотнями ног, когда-то спускавшихся сюда в цепях. Воздух пропитан

сыростью, запахом плесени и чего-то кислого — то ли прокисшей еды, то ли отчаяния. Каменные стены, покрытые пятнами мха, сжимались вокруг, будто хотели задушить.

Факел стражника бросал свет на ржавые кольца, вмурованные в стены, на следы от цепей, протёртые в камне. Где-то вдали капала вода — монотонно, безжалостно, отсчитывая мгновения. Эхо наших шагов множилось, превращаясь в шёпот призраков: «Не вернёшься... не вернёшься...»

Узкие бойницы высоко над головой пропускали лишь клочья серого неба. В одном месте я заметила выцарапанные на стене имена и даты — кто-то пытался оставить память о себе, прежде чем тьма поглотит его окончательно.

Мы поднялись по узкой винтовой лестнице, миновали тяжёлую дубовую дверь с железными скобами — и оказались в замке графа Святослава Корвина. Разница была разительной: вместо сырости и тьмы — сухой, чуть пряный воздух, пахнувший воском, полированным деревом и тонкими благовониями.

Коридоры замка поражали своим убранством — не кричащей роскошью, а сдержанной элегантностью, наверное, по последней моде. Высокие потолки украшали лепные медальоны с геометрическим орнаментом, стены облицованы панелями из светлого дуба с тонкой резьбой. Под ногами лежал длинный ковёр с неброским узором в приглушённых тонах — тёмно-синий фон с серебристыми линиями, образующими строгие ромбы.

Вдоль стен стояли изящные консольные столики с мраморными столешницами, на них — бронзовые канделябры с незажжёнными свечами и небольшие вазы с сухоцветами. На стенах висели не пышные гобелены, а строгие пейзажи в лаконичных чёрных рамах, выполненные в сдержанной цветовой гамме.

Большие окна с витражными вставками пропускали мягкий рассеянный свет. По обе стороны от них располагались ниши с античными бюстами — не показная коллекция, а продуманный элемент декора. Вдалеке слышались приглушённые звуки жизни замка: шаги слуг, звон посуды, редкие голоса — всё это создавало ощущение упорядоченного, размеренного быта.

Мы миновали парадную лестницу с перилами из полированного ореха, украшенными едва заметной инкрустацией. По бокам стояли высокие напольные часы с бронзовыми фигурами, мерно отсчитывающие время. Стражник свернул в боковой коридор — более узкий и тихий, предназначенный, видимо, для служебного пользования.

Здесь декор был ещё более сдержанным: стены окрашены в тёплый бежевый оттенок, на полу — паркет «ёлочкой» из тёмного дерева. Несколько дверей с табличками на латыни вели в различные помещения: библиотеку, архив, оружейную.

У массивной двери из мореного дуба мой провожатый остановился.

— Жди, — коротко бросил он и постучал условным стуком: два коротких, один длинный.

Дверь бесшумно отворилась, за ней виднелся короткий проход и ещё одна дверь — та самая, ведущая в кабинет графа.

Комната оказалась просторной и светлой — большие окна с витражными стёклами пропускали много света. Интерьер выполнен в том же стиле, что и остальная часть замка: элегантно, без излишеств.

Стены отделаны деревянными панелями с ненавязчивой резьбой. Вдоль одной стены — книжные шкафы из тёмного дуба со стеклянными дверцами, за которыми виднелись корешки фолиантов в кожаных переплётках. Над массивным письменным столом из красного дерева висел портрет самого графа в молодости — строгий взгляд, безупречная осанка.

На столе — минимум предметов: чернильница из оникса, стопка бумаг, печать с фамильным гербом, песочные часы. Рядом — удобное кресло с высокой спинкой, обитое тёмно-зелёной кожей. В углу — камин с мраморной полкой, на ней несколько бронзовых статуэток и часы с маятником.

У окна стоял сам граф Святослав Корвин. Когда он медленно обернулся, я на мгновение забыла, зачем пришла сюда, — дыхание перехватило, мысли смешались.

Высокий, статный мужчина с горделивой осанкой. Белоснежная рубашка, небрежно расстёгнутая у ворота, подчёркивала смуглую кожу и линию шеи. Чёрные волосы слегка

растрёпаны — будто он только что провёл по ним рукой в раздумье, — и несколько прядей небрежно падали на лоб, подчёркивая резкость скул и геометрию лица. В нём было что-то хищное и в то же время, завораживающее: каждый жест — выверен, каждый поворот головы — как у человека, привыкшего, что мир подстраивается под него.

Когда он наконец поднял веки, взгляд его манящих глаз — тёмный, бархатный, с искрой пробуждающегося интереса — будто обволакивал теплом. В этом взгляде читалась сила, опыт и тот неуловимый шарм, перед которым не могли устоять ни дамы, ни соперники. Он смотрел так, словно видел насквозь, словно уже знал всё, что я собиралась сказать, — и находил это одновременно забавным и незначительным.

Но едва его взгляд скользнул по моей потрёпанной одежде, по следам усталости и тревоги на лице, выражение изменилось. Граф посуровел, и в глубине его глаз теперь читались не теплота, а жалость — холодная, почти оскорбительная, смешанная с едва заметным пренебрежением.

Я застыла с открытым ртом, внезапно остро ощутив свою уязвимость: грязная юбка, сбившийся пояс, дрожащие пальцы, судорожно сжимающие край плаща. В сравнении с ним — безупречным, уверенным, излучающим власть — я казалась себе жалкой и нелепой.

Граф, глядя на меня, усмехнулся и слегка приподнял бровь. Его голос прозвучал ровно, почти лениво, но в нём сквозила сталь:

— Ты что-то хотела мне рассказать?

Вопрос прозвучал не как приглашение к диалогу, а как снисходительное позволение заговорить. И в этот миг я поняла: чтобы добиться от него хоть капли внимания, мне придётся не просто говорить — придётся его заинтересовать.

- Я пришла узнать, на каком основании вы держите меня в темнице и собираетесь казнить? — промямлила я, с трудом сглатывая слюну: губы и горло в одночасье пересохли, во рту стало горько, как от пепла.

Граф резко обернулся. Его лицо мгновенно стало чернее грозовой тучи, брови сошлись над переносицей, а ноздри расширились в сдерживаемом гневе. Он сделал шаг ко мне — так близко, что я почувствовала запах лаванды от его тела и едва уловимый аромат дорогого табака.

— Да как ты смеешь?! — голос графа прозвучал низко и раскатисто, словно отдалённый гром. Он сжал кулаки, костяшки побелели. — Для этого ты требовала встречи? Ты... — он сделал паузу, смерив меня презрительным взглядом с головы до ног, — падшая девка, которая поставила пятно на мою репутацию!

Он отступил на шаг, провёл рукой по волосам, пытаюсь взять себя в руки, но ярость всё равно прорывалась в каждом слове:

— Ты думаешь, я позволю какой-то девке, чьё имя уже ничего не значит, опорочить род Корвиных? Нет! Это пятно можно смыть только кровью — твоей кровью!

Его глаза сверкали яростью, а пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, будто ему хотелось схватить меня за плечи и встряхнуть как следует. На мгновение в комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь учащённым биением моего сердца.

Я отступила на шаг, упёрлась спиной в холодную стену кабинета. Ноги дрожали, но я заставила себя поднять взгляд и посмотреть ему в глаза:

— Но ведь вы даже не выслушали меня... — голос дрогнул, но я продолжила, собрав остатки смелости. — Я не делала того, в чём меня обвиняют. Это клевета, граф. Чистая, бесстыдная клевета.

Граф усмехнулся — холодно, без тени веселья. Его губы изогнулись в жёсткой усмешке, а в глазах по-прежнему читалась непримиримая решимость.

— Клевета? — переспросил он, и в его голосе прозвучала ядовитая насмешка. — Ты думаешь, мне нужны доказательства? В свете уже все всё знают. Репутация — хрупкая вещь. И если её не защитить сейчас, завтра от моего имени останется лишь эхо.

Я попыталась что-то возразить графу, но вдруг двери резко распахнулись с громким стуком — и в кабинет вплыла девушка неземной красоты.

Она двигалась с нарочитой грацией, будто на сцене: тонкий стан, затянутый в платье из серебристо-голубого шёлка, длинные светлые волосы струились по плечам и спине, лоя

отблески света от канделябров. Черты лица — идеальные: высокие скулы, пухлые губы, большие глаза цвета морской волны. Но при всей этой красоте в ней было что-то отталкивающее, неприятное — словно за ангельской внешностью скрывалась иная суть. Про таких говорят: «овечка в волчьей шкуре».

Граф резко обернулся на звук. Его лицо на мгновение исказилось досадой, но он тут же взял себя в руки и натянуто улыбнулся.

— Милый, ну, где ты? — пропела девушка, игнорируя моё присутствие. Её голос был мелодичным, почти музыкальным, но в интонациях сквозила властность. — Я уже зажда-лась тебя. Мы же собирались на прогулку в сад, помнишь? Ты обещал показать мне новые розы...

Она подошла ближе, небрежно скользнув по мне взглядом — холодным, оценивающим, с ноткой презрения, — и взяла графа под руку, прижавшись к нему всем телом. Пальцы с длинными, безукоризненно ухоженными ногтями слегка сжали его рукав, словно напоминая: «Ты мой».

Я невольно отступила на шаг, чувствуя себя ещё более неуместно в этом роскошном кабинете, в своём потрёпанном платье, рядом с этой блистательной парой.

Граф слегка напрягся, но не отстранился. Вместо этого он бросил на меня короткий, раздражённый взгляд — мол, «можешь убираться» — и повернулся к девушке:

— Да, конечно, Лиана, — произнёс он уже мягче, почти

ласково. — Сейчас, дай мне минуточку...

Девушка прямо со страниц любовных романов, и имя такое Лиана — такая прям «ох и ах»: безупречная причёска, томный взгляд, шёлковое платье, подчёркивающее каждый изгиб. «Так, Лена, бери себя в руки, — мысленно одёрнула я себя, — иначе твоя книга будет короткой. Точнее, так и не начавшейся».

Что-то щёлкнуло в голове. Ну правильно — лучшее спасение — это нападение.

— Стоп, стоп, стоп! — начала я, вдохнув полной грудью свежего воздуха, который, казалось, наполнил меня решимостью. — Я правильно понимаю, что меня хотят казнить за измену? Что я нечиста? — Мой голос зазвучал увереннее, громче, эхом отражаясь от стен кабинета. — А вы, граф, чисты? Хранили верность до брачной ночи? Или эта ваша... — я запнулась, подбирая нужное слово, — девица, — я кивнула в сторону ошеломлённой красавицы, — чиста? Не порочит вашу честь?

Девушка, только что взявшая со стола поднесённый чай и сделавшая глоток, от услышанного резко выплюнула напиток обратно — прямо на своё безупречное платье. Брызги разлетелись по сторонам, несколько капель попали на мраморный пол, оставив тёмные пятна.

Она застыла с открытым ртом, глаза расширились от шока, щёки залились краской — то ли от гнева, то ли от смущения. Её идеальная маска треснула, обнажая растерянность.

Граф резко обернулся ко мне. На мгновение в его взгляде мелькнуло удивление, почти восхищение дерзостью, но тут же сменилось холодной яростью. Он выпрямился во весь рост, и атмосфера в комнате снова накалилась.

— Как ты смеешь... — начал он низким, угрожающим тоном.

Но я не дала ему закончить:

— Смею, граф. Потому что, если уж судить по чести, давайте судить всех. Вы обвиняете меня в том, чего не видели. Но и я не видела, чтобы вы хранили целомудрие. Где доказательства? Где свидетели? Или ваш суд — это просто способ избавиться от неудобной невесты, чтобы заменить её вот этой... — я снова кивнула в сторону Лианы, которая всё ещё пыталась прийти в себя, — сияющей красавицей, готовой занять моё место?

Лиана наконец опомнилась. Она резко поставила чашку на стол — та звонко стукнулась о блюдо — и прошипела:

- Да как ты смеешь так со мной говорить, нищенка?! Ты даже не достойна стоять в одном помещении с графом!

— Зато я достойна правды, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — И справедливости. Или у вас в замке только одна правда — та, что выгодна вам?

Граф молча переводил взгляд с меня на Лиану и обратно. В его глазах читалась борьба: гнев боролся с любопытством, привычка к безоговорочному послушанию — с неожиданной логикой моих слов.

Тишина повисла в кабинете, густая и тяжёлая, как грозовая туча перед бурей. Я стояла, выпрямившись, с поднятой головой, чувствуя, как внутри разгорается огонёк надежды: возможно, впервые за долгое время я не жертва — я противник.

Лиана хотела, что-то ещё завизжать, но граф остановил её, приподняв руку — резко, властно, без слов давая понять: «Молчи». Его взгляд на мгновение задержался на ней с немым укором, затем переместился ко мне. В этом взгляде читалось что-то новое — не просто гнев, а интерес, словно я внезапно стала для него загадкой, которую захотелось разгадать.

Окончательно набравшись наглости — или смелости, или, может, с окончательно «поехавшей кукухой», — я выпрямилась во весь рост и заявила:

— Так вот. Пока идёт ваше расследование — а я надеюсь, что оно идёт, — попрошу предоставить мне покои на время его проведения. Покои, достойные графини, которой вы собирались меня сделать. И надеюсь, расследование будет честным и справедливым.

Я произнесла это твёрдо, чётко, почти чеканя слова. Голос не дрожал — хотя внутри всё тряслось, как осенний лист на ветру.

Закончив, я развернулась и быстрым шагом направилась к двери. У самых дверей притормозила, не оборачиваясь, и крикнула через плечо:

— Когда подготовят покои, сообщите. Я подожду в гостиной... И да, приведите моего фамильяра.

С этими словами я вышла и плотно закрыла за собой дверь. Припала к ней спиной, прижалась затылком к прохладному дереву и наконец выдохнула — долго, прерывисто, с дрожью.

Меня поглотил ураган эмоций: страх, ликование, неверие, что я только что это сказала, и — самое главное — робкая, ещё несмелая надежда. Получилось?

В голове пронеслось: «Это конец!» — но не как приговор, а как начало чего-то нового. Будто я переступила невидимую черту, за которой уже нельзя отступить. Теперь либо победа, либо...

Но я запретила себе думать о «либо». Вместо этого выпрямилась, поправила сбившийся рукав платья и решительно направилась по коридору в сторону гостиной. Шаги звучали уверенно, спина — прямая, взгляд — вперёд. Пусть видят: я не сломлена.

Где-то в глубине души зашевелилась мысль: «Анфидия, сейчас ты мне очень нужна». Я улыбнулась краешком губ. Моя маленькая спутница точно знает, что делать дальше. Главное — чтобы её поскорее привели.

Святослав Корвин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.